

Н. Ю. Грякалова

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФОНЕ:
К ПУБЛИКАЦИИ РЕЦЕНЗИЙ НА ОЧЕРК А. А. БЛОКА
«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ»
ИЗ АРХИВА ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

Резюме

В статье, предваряющей публикацию двух ранее неизвестных рецензий на отдельное издание очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти» (1921) из архива Дома литераторов, представлены биографические сведения о рецензентах — историке А. Н. Шебунине и литераторе П. К. Губере. Реконструирована их общественная позиция и политические взгляды на революционные события 1917 г., прослежена их дальнейшая судьба в 1920–1930-е гг. Статья основана на архивных материалах и восполняет существующие лакуны в творческой и личной биографии ученого и писателя. Публикуемые рецензии вписаны в исторический контекст и в круг посмертной рецепции творчества Александра Блока.

Ключевые слова: очерк, рецензия, Февральская революция, история, государство, политика, биография, Александр Блок, А. Н. Шебунин, П. К. Губер

Nataliya Ju. Gryakalova

A DOUBLE PORTRAIT AGAINST A HISTORICAL
BACKGROUND: A COMMENTARY ON THE PUBLICATION
OF TWO REVIEWS OF ALEXANDER BLOK'S ESSAY
"THE LAST DAYS OF THE EMPEROR'S POWER"
FROM THE ARCHIVE OF THE DOM LITERATOROV

Abstract

This article introduces a publication of two previously unknown reviews of a separate edition of Alexander Blok's essay "The Last Days of the Emperor's Power" (1921). The reviews were

© Н. Ю. Грякалова, 2024

found in the archive of the Dom Literatorov, which is now part of the Department of Manuscripts of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg. The article presents biographical information about the reviewers—the historian Andrei N. Shebunin and the writer Petr K. Guber. It reconstructs their social position and political views on the revolutionary events of 1917 and traces their subsequent life in the 1920s and 1930s. The study, which is based on archival materials, fills gaps in our knowledge of the creative and personal biographies of the scholar and the writer. The published reviews are considered in the historical context of the time when they were written and against the background of the posthumous reception of Alexander Blok's work.

Keywords: essay, review, February Revolution, history, state, politics, biography, Alexander Blok, Andrei N. Shebunin, Petr K. Guber

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-216-237

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в архиве Дома литераторов¹, среди материалов, по разным обстоятельствам не дошедших до печати, отложились две рецензии на историко-документальный очерк Александра Блока «Последние дни императорской власти», вышедший отдельной книгой в петроградском издательстве «Алконост» поздней осенью 1921 г., уже после смерти поэта².

Автор одной из них — профессиональный историк, выпускник Санкт-Петербургского университета (1912), Андрей Николаевич Шебунин (1887—1942), чьи научные интересы были связаны с политической историей России в царствование Александра I, в первую очередь с историей декабристского движения и идеологией либерализма (см.: [Сироткин; Жуковская

---

¹ РО ИРЛИ. Ф. 98. Всесторонний обзор деятельности петроградского Дома литераторов (1918–1922), история формирования и структура его архива, как и литература вопроса, даны в работе: [Кукушкина 2003].

² Очерк, составленный по материалам Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) при Временном правительстве, где Блок занимал должность литературного редактора стенограмм допросов подследственных лиц из числа царских министров, сановников, приближенных императорского двора, вышел впервые осенью 1920 г. в журнале «Былое» (текст с семью приложениями был передан в редакцию в конце декабря 1918 г.) под заглавием «Последние дни старого режима» [Блок 1919]. Оно было предложено Е. В. Тарле как название одного из разделов Отчета (доклада) ЧСК Учредительному собранию; составление раздела было поручено Блоку, работа была начата в августе 1917 г. и завершена 3 апреля 1918 г. (см.: [Иванова 2012, с. 76–86]). Заглавие изменено Блоком при подготовке отдельного издания очерка, где были также впервые опубликованы документы из материалов ЧСК (анонсированные редакцией «Былого» для следующих книжек журнала; они в них так и не появились): шесть были представлены в Приложениях, один — телеграмма генерала Ф. А. Келлера Николаю II (без имени отправителя) — в завершении повествования, как его заключительный аккорд [Последние дни 1921]. В новейшее время издание очерка в полном объеме было осуществлено только в 2012 г. [Последние дни 2012].

2003]]³. Второй рецензент — Петр Константинович Губер (псевд. П. Ф. Арзубьев; 1886—1941), либеральный публицист, критик, переводчик, беллетрист, относивший начало своей литературной деятельности к 1910 г.⁴ Различие между историком и литератором сказалось и в оценке рецензируемого ими текста. Первый, выдерживая объективистский тон, в большей степени сосредоточен на выявлении исторической значимости и подлинности публикуемых Блоком материалов — не случайно он, как и многие авторы печатных отзывов, ставит в упрек составителю отсутствие указания на источники приводимых документов. Второй, не скрывая личного отношения к «старому режиму», склонен к истолкованию репрезентируемых документами фактов, признавая «игру случайностей» в «сплетении событий», их «надысторический» смысл, который не обнаруживается «позитивным исследованием». Показательно, что завершается отзыв ссылкой на «современные диалоги» С. Н. Булгакова («На пиру богов») и почти дословным повторением слов одного из персонажей о «мистическом заговоре», связавшем Россию⁵.

Оба рецензента, выходцы из дворянского сословия, принадлежали к поколению «свидетелей великой эпохи»⁶, склонному к исторической рефлексии, и оба, в подтверждение максимы о «революции, пожирающей своих детей»⁷,

³ Основные биографические сведения и список научных трудов приведены в автобиографии «Curriculum vitae Андрея Николаевича Шебунина», датированной 13 октября 1935 г. (ОР РНБ. Ф. 849 (А. Н. Шебунин). Ед. хр. 51).

⁴ См., например, анкеты члена Ленинградского отделения Союза писателей (ЛО СП) за 1929 и 1931 гг.: РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453, 460. Интересно, что именно к этому году относится литературная мистификация — сборник стихов «Голова Медузы» (СПб.: Богема, 1910), изданный совместно с однокашником по Политехническому институту Николаем Шубным под коллективным псевдонимом Аркадий Фырин; подлинные фамилии авторов были зашифрованы в акrostихе, см.: [Тименчик, с. 161–163].

⁵ Ср. в «Диалоге втором» высказывание Беженца о современных событиях: «Словно исполняется какой-то не раскрывшийся еще до конца план или заговор. (...) я не могу отделаться от той мысли, что здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор...» [Булгаков, с. 312, 313].

⁶ Ср. запись Блока от 14 апреля 1917 г.: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей *слабой силой*) я художник, т. е. свидетель» [Блок 1965, с. 316]. Приподнятое настроение Блока и желание «послужить демократии» отражают его письма к матери за март — начало мая 1917 г. [Письма к родным, с. 335–354]. Об эволюции взглядов Блока «от Февраля к Октябрю» см.: [Иванова 2017].

⁷ Слова Пьера Верньо, лидера жирондистов, гильотинированного после суда над ними, отчеркнуты Блоком двумя чертами в его экземпляре книги Т. Карлейля «Французская революция» (библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/92) в следующем фрагменте: «Сколько прекрасных геройских душ послано в царство теней и сами жирондисты отданы на добычу псам и разным птицам! Но и здесь также исполнилась Высшая Воля, как сказал Верньо: „Революция, подобно Сатурну, пожирает своих собственных детей“» [Карлейль, с. 533].

в годы массовых репрессий оказались в жерновах политического террора, и их имена надолго были вычеркнуты из истории отечественной науки и культуры. Как и бóльшая часть русской либерально-демократической интеллигенции, они с воодушевлением встретили «мартовские дни» и видели в свержении монархии результат закономерного хода истории, независимо от того, в марксистском (Шебунин) или провиденциально-идеалистическом (Губер) ключе этот «приговор истории» понимался.

Февральская революция вернула Шебунина, участника студенческого движения, члена меньшевистской фракции РСДРП, из енисейской ссылки в столицу. Здесь он вошел в меньшевистскую группу Г. В. Плеханова «Единство» — этот политический выбор сыграет фатальную роль в его судьбе [Жуковская 2021, с. 234], сотрудничал в ежедневной прессе, преподавал в средних учебных заведениях и, имея еще дореволюционный опыт историко-архивной работы, в частности, с приобретенным Петербургской Академией наук архивом братьев Тургеневых⁸, участвовал в разборе рукописных собраний и личных библиотек членов императорской семьи и царственных особ (см.: [Биографический словарь историков]). Записи дневникового характера за февраль — март 1917 г. его жены, Л. Г. Чарномской, свидетельствуют о царившей в семье атмосфере сочувствия антимонархическим выступлениям в Петрограде⁹.

Петр Губер, сын генерала русской армии¹⁰, получил высшее образование в Санкт-Петербургском политехническом институте по экономическому отделению (1909), согласно автобиографическому свидетельству, «с 1910 начал заниматься литературой, как профессией, и одновременно учился на историко-филологическом факультете Петербургского Университета, но курса там не кончил»¹¹. Ушел на фронт Первой мировой войны по линии Красного Креста, служил переводчиком в штабе 6-й армии. Под псевдонимом

---

⁸ Эти архивные штудии определили его дальнейший многолетний интерес к личности и деятельности декабриста Н. И. Тургенева в контексте русского либерализма.

⁹ ОР РНБ. Ф. 849 (А. Н. Шебунин). Ед. хр. 344.

¹⁰ О генерал-лейтенанте интендантской и санитарной службы Константине Петровиче Губере (1886–1916) см.: [Военная энциклопедия, с. 522].

¹¹ Биография приложена к заявлению П. К. Губера на имя Е. П. Пешковой от 25 октября 1935 г. с просьбой об изменении условий административной ссылки в г. Астрахань, куда он был отправлен вместе с семьей (женой и дочерью) на пять лет (см.: [Книга памяти]). В биографических справках на различных информационных ресурсах указывается обучение на юридическом факультете и дата его окончания 1914 г. Однако ни в одной из просмотренных анкет и анкетных списков из фонда Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 39, 453, 460) не отмечено наличие второго, гуманитарного образования, что было бы ожидаемо в подобных документах.

П. Ф. Арзубьев издал очерковые зарисовки с Западного фронта [Арзубьев 1915], выдерживающие сопоставление с известными «Записками кавалериста» Н. Гумилева. Накануне революции возвратился в Петроград, где занял должность помощника коменданта Биржи труда, затем — разъездного корреспондента Петроградского телеграфного агентства [Репрессированные политехники, с. 214], в качестве такового сопровождал А. Ф. Керенского, военного министра и главнокомандующего, в поездке по Северному фронту в мае 1917 г.¹² Кстати, в анкете ЛО СП 1929 г. он не скрыл своего отношения к событиям 1917 г. и на вопрос об «участии в революционном движении и в общественной жизни» ответил: «Принимал активное участие в Февральской революции в Петербурге»¹³.

Нет документальных подтверждений того, как Шебунин, социалист-меньшевик, убежденный «либералист», отнесся к Октябрьскому перевороту, однако понятно, что любые публичные выступления в большевистском политическом поле для него были закрыты. Позиция Губера, беспартийного, но по своим политическим воззрениям тяготевшего к конституционным демократам, обозначена весьма определенно: его публицистические выступления на страницах кадетской газеты «Наш век» (бывшая «Речь»), выдержанные в саркастической стилистике, свидетельствуют о последовательном неприятии большевизма и как идеологии, и как проявления «первобытной психологии». «Наш большевизм самобытен», популярен в народе благодаря своей «недоброй мистике», близок к хлыстовству, но он «должен быть изжит», — рассуждал критик в статье «Старый мир», эпиграфом к которой взял соответствующие строки из поэмы «Двенадцать» А. А. Блока — «одного из внезапных большевиков наших» [Арзубьев 1918b]¹⁴. Под риторическим прицелом критика — «скифство» интеллигенции, близкой к левоэсеровским кругам (Блока, А. Белого, Есенина, Клюева), о чем свидетельствует его отзыв о двух выпусках альманаха «Скифы» (1917–1918): в статье под метафорическим названием «Пифийская расщелина» автор сравнивал отравляющее идеологическое влияние большевизма с ядовитыми парами, исходящими из жерла вулкана, а Блока и Андрея Белого, вещающих подобно древнегреческой Пифии, причислял «к тем поэтам, которые тянутся к серному, наркотическому

¹² См.: [Арзубьев 1917]; републ.: [Керенский, с. 119–233].

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 34.

¹⁴ Блок отметил в записной книжке в день выхода газеты: «Арзубьев в „Речи“ обо мне» [Блок 1965, с. 394].

пару, встающему над трещиной», что представляет опасность для их творческого мировосприятия [Арзубьев 1918a]¹⁵.

В отличие от Шебунина, для которого обращение к очерку Блока было продиктовано исключительно интересом историка и современника и, судя по имеющимся данным, явилось фактом единичным, Губер, помимо названных заметок, выступил уже после смерти поэта с несколькими статьями концептуального характера. К тому же он, пусть отдаленно, был знаком с Блоком лично: оба сотрудничали в многочисленных литературных организациях революционной поры — «Всемирной литературе», ДOME литераторов, профессиональном Союзе писателей¹⁶ и пр. Признание таланта Блока абсолютно: это «первый лирический поэт нашей эпохи» и, более того, «самый искренний из современных мыслителей» [Губер 1921a, с. 13]. Отвергая наметившуюся в партийной прессе тенденцию к «посмертной канонизации Блока в качестве певца пролетариата», критик акцентировал мистическую составляющую творчества поэта-символиста, применив одним из первых гностический миф о низведении Мировой Души с небес на землю как принцип истолкования образных рядов от Прекрасной Дамы к Революции. Но Революцию, по мнению критика, поэт приветствовал исключительно «под знаком Смерти»: поэта эстетически прельщал «период социального распада» — процесс же «*обмирщения* революционной стихии» обрек его на очередное разочарование и творческий кризис. «Эстет и аристократ до кончиков ногтей, он брезгливо отвернулся от прозы истории...» — таков финальный аккорд статьи, автор которой ставил себе цель выявить «психологические основания» революционных настроений поэта в «сверхисторической» перспективе [Губер 1921b]. Наконец, в канун годовщины со дня смерти поэта Губер публикует развернутое эссе, посвященное анализу гражданских мотивов в поэзии Блока [Губер 1922]. Связь между мистикой и политикой, пророческий смысл цикла «На поле Куликовом», «выстраданность» мировоззрения Блока, слияние национального и эротического чувства и понятие «патриотического эроса» — подобные смысловые акценты выделяли «антимарксистскую» интерпретацию блоковской лирики на фоне массовой литературной критики начала 1920-х гг., становившейся

¹⁵ Ср. запись Блока: «В „Речи“ — предостерегающая (нас с А. Белым) статья Арзубьева „Пифийская расщелина“» [Блок 1965, с. 386].

¹⁶ Губер состоял членом Всероссийского профессионального союза писателей с момента его образования в 1920 г., входил в Правление Петроградского отделения СП, см.: РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 39. См. также: [Кукушкина 2006].

все более политически и идеологически ангажированной¹⁷. Такие «несвоевременные мысли» могли быть высказаны только на страницах либеральных изданий, в данном случае — периодики Дома литераторов, где Губер выступал как постоянный автор и рецензент (см.: [Аннотированный указатель]).

Однако труды и дни Дома литераторов близились к своему финалу. 1922 год отмечен в истории Советской России прежде всего двумя крупномасштабными политическими акциями — публичным судебным процессом над правыми эсерами, проходившим в Москве с 8 июня по 7 августа, и массовой высылкой оппозиционной интеллигенции (сентябрь — ноябрь). В директивном письме председателя Совнаркома В. И. Ленина к И. В. Сталину от 16 июля 1922 г., где анонсировался план ближайших действий, в соответствующем контексте упоминались и «авторы Дома литераторов»:

«т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, н(ародных) с(оциалист)ов, кадетов и т(ому) п(одобных) я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решительно „искоренить“ всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др(угих). По-моему всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

Тоже А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники „Экономиста“ <...> Комиссия <...> должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго. <...>

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!

Всех авторов „Дома литераторов“, питерской „Мысли“ <...> Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере <...> и на список частных издательств <...>.

С к(оммунистическим) прив(етом) Ленин» [Неизвестные документы, с. 544–545]¹⁸.

---

¹⁷ Так, например, из зафиксированных библиографическим указателем восьми печатных откликов на посмертное издание «Последних дней императорской власти» все, за исключением отзыва М. М. Пришвина и информации в «Жизни искусства», либо принадлежали партийным журналистам (Б. Гореву-Гольдману, К. Шелавину, И. Книжнику-Ветрову, Г. Лелевичу), либо были опубликованы в официальных печатных органах (отзывы В. Н. Сторожева и А. Лаврецкого), см.: [Библиографический указатель, с. 160–161].

¹⁸ Свод документов, а также полный список высылаемых лиц согласно Постановлению Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1922 г. см.: [К истории высылки интеллигенции]. Отметим, что в «Списке питерских литераторов» неверно указана фамилия В. Я. Ирецкого (в документе: «49. Герецкий»).

С печально знаменитым «философским пароходом» или другим путем были депортированы в административном порядке бессменные руководители Дома литераторов, управляющие делами, редакторы и авторы издаваемых под его эгидой журналов: Б. И. Харитон, Н. М. Волковыский, В. Б. Петрищев, В. Я. Ирецкий¹⁹ и другие. Не получивший разрешения на перерегистрацию Дом литераторов той же осенью был закрыт. На № 3, вышедшем 1 августа, прекратили свое существование и «Литературные записки» (редактор Б. И. Харитон). В редакционном портфеле журнала отложились десять рецензий Губера, готовившихся к опубликованию²⁰, в том числе и на «Последние дни императорской власти». Рецензия Шебунина на блоковский очерк, возможно, предназначалась для «Вестника литературы» или «Летописи Дома литераторов», но, как и его статья «Достоевский и политика» (1921)²¹, не успела увидеть свет.

В дальнейшем судьбы героев нашего очерка, при всем своеобразии творческой индивидуальности каждого, различии профессиональной направленности их интересов и политических симпатий, оказались близки своей трагичностью. Научная карьера Шебунина (в 1926–1928 — доцент Ленинградского университета, с 1928 — научный сотрудник НИИ РАНИОН, автор содержательных публикаций, в том числе в изданиях Академии наук)²², разносторонне одаренного ученого, была прервана арестом в октябре 1929 г. по сфабрикованному ОГПУ «Академическому делу 1929–1931 гг.», жертвой которого стали десятки ученых, в числе которых академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский (см.: [Академическое дело]). В процессе судопроизводства к нему было присоединено так называемое дело «кружка молодых историков» — неформального объединения, участником которого Шебунин состоял в 1921–1923 гг. Н. С. Штакельберг, на квартире которой в «Доме академиков» (квартира принадлежала ее свекру, А. П. Штакельбергу, который до революции был управляющим делами Академии наук) проходили заседания кружка, оставила в своих воспоминаниях несколько выразительных зарисовок. В одной из них ученый предстает прежде всего как публицист и полемист: «А. Н. Шебунин почти исключительно вторым номером, т. е. после основного чьего-нибудь доклада, читал свои рецензии на то, что выходило из печати в текущее время или живо и ярко рассказывал о новинках литературы, относящихся к новейшей всемирной истории. Помню два

¹⁹ Биографические справки о литераторах см.: [Кукушкина 2003, с. 91–93].

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 241–244, 246–251.

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 157. В «Литературных записках» (№ 2) была опубликована только рецензия Шебунина на «Курс русской истории» (часть V) В. О. Ключевского.

²² Научная деятельность Шебунина в контексте развития исторической науки 1920–1930-х гг. подробно освещена: [Дмитриев].

диспута, в которых принимали участие он, С. И. Тхоржевский, Попов и Островская, когда буквально пух и перья полетели: один был посвящен „Смене вех“ — злободневной тогда теме; другой — Шпенглеру. А. Н. Шебунин был в большей степени публицист, чем ученый и историк, и этим определялись его выступления» [Штакельберг, с. 37]²³. В другом случае он — персонаж стихотворного шаржа, сочиненного к трехлетию кружка, 26 декабря 1923 г.:

Лысый, бритый, он артист,
Ядовитый публицист.
Любит выпить, душу грея.
Я добавлю: он марксист,
Чтоб узнали поскорее
Вы Шебунина Андрея.

[Штакельберг, с. 41]

«Меньшевик» и «марксист» Шебунин был приговорен к 5 годам ИТЛ по статье 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) и отбывал срок в СвирьЛаге (Лодейное Поле Ленинградской обл.). Досрочному освобождению по состоянию здоровья в ноябре 1933 г. немало способствовало деятельное участие жены, обращавшейся с ходатайствами в Политический Красный Крест и другие высшие инстанции²⁴.

В 1934 г. Шебунин вернулся к изучению наследия Н. И. Тургенева, работал по договорам с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) и вплоть до следующего ареста продолжал историко-филологическую деятельность: готовил к публикации материалы из тургеневского архива, однако успел издать лишь один том эпистолярия с обширным предисловием и комментариями [Декабрист Н. И. Тургенев]; завершил фундаментальное исследование о политической и дипломатической деятельности в России посланника Сардинского королевства при Императорском дворе католического философа Жозефа де Местра (свод документов с учетом иностранных источников и их историко-контекстуальный анализ), которое было опубликовано под вымышленным именем М. Степанов [Жозеф де Местр в России]. «О его необыкновенной работоспособности и продуктивности последних лет жизни на свободе, — замечает биограф, — свидетельствует архив историка: тысячи

---

²³ О руководителе кружка С. И. Тхоржевском, а также о его участниках И. Л. Попове и М. А. Островской см.: [Штакельберг].

²⁴ В архиве сохранились копии заявлений Л. Г. Чарномской от 5 октября и 15 ноября 1933 г. (ОР РНБ. Ф. 849. Ед. хр. 336, 337). См.: [Книга памяти].

листов научного текста, комментариев, справочных статей...» [Жуковская 2021, с. 239]. 10 февраля 1938 г. ученый был вновь арестован, на этот раз — как человек с меньшевистским прошлым («кадровый меньшевик»). И хотя его причастность к «контрреволюционной организации» «Ленинградский меньшевистский центр» следствию доказать не удалось (см.: [Брачев]), 19 октября 1940 г. он был приговорен Особым Совещанием при НКВД СССР по статье 58-8, 58-10, 58-11 к 8 годам ИТЛ и отправлен в ОнегЛаг (Архангельская обл.). Здесь он скончался 25 ноября 1942 г. Реабилитирован в 1956 г. за отсутствием состава преступления.

Библиотека и архив ученого, чудом сохраненные его вдовой в блокадном Ленинграде, после ее смерти от дистрофии поступили в Публичную библиотеку как «бесхозные» в августе 1942 г. [Материалы, с. 422–423]. Архив Шебунина, как и его научное наследие, востребованы современными исследователями: историки работают над публикацией его трудов, филологи продолжают начатые им археографические разыскания (см.: [Дневники и письма Н. И. Тургенева]), в перспективе — создание «развернутой научной биографии этого историка с трагической судьбой» [Жуковская 2021, с. 240].

Иная ситуация сложилась с творческим наследием и литературной репутацией Петра Губера. Архив его не сохранился, биографические сведения скупы и отчасти ошибочны, творчество до сих пор не оценено по достоинству. «Малая проза» писателя разбросана по страницам дореволюционной периодики, исторические романы не переиздавались с 1930-х гг., и в представлении читающей публики, даже в среде филологов, он так и остается автором одной книги — «Дон-Жуанский список Пушкина» (впервые: 1923), растиражированной и ставшей явлением «массовой пушкинистики». Между тем масштабы его литературной деятельности, которой он полностью посвящает себя с начала 1920-х гг., впечатляют. Он много переводит, редактирует, публикует вступительные статьи и комментарии к произведениям западноевропейских классиков, критико-биографические очерки, литературоведческие исследования, исторические романы... «Пишу во всех родах, подобно господину де Вольтеру», — не без самоиронии отметил он в анкете ЛО СП в 1929 г.²⁵

---

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 34. В списке литературных трудов, приложенном к письму Е. П. Пешковой от 25 октября 1935 г., им отмечено, помимо пяти беллетристических произведений и основных переводов, «не менее 20 отдельно изданных книг, переведенных с французского, английского, немецкого и латинского. Большое число редактур, предисловий, вступительных статей и рецензий — плод постоянного многолетнего сотрудничества во „Всемирной литературе“, Огизе, изд. Academia, „Прибой“, „Время“, „Брокгауз и Ефрон“ и т. д. и т. д. Газетные и журнальные статьи, заметки, корреспонденции и др.» [Книга памяти]. О деятельности Губера в секции переводчиков ЛО ВСП и сотрудничестве с книгоиздательством «Время» см.: [Конец институций культуры].

Среди его бесспорных литературных заслуг — внесение особой, «диалогической» интонации в повествование историко-беллетристического жанра, набиравшего в это время популярность (характерный пример — повести Ю. Н. Тынянова 1920-х гг.). Присущее исторической беллетристике живое описание здесь соседствует с подлинными документами, а обращение к прошлому, по преимуществу к эпохам кризисным, революционным, пронизано опытом современности, аллюзиями на события в России, историческими параллелями, историософскими размышлениями над прихотливым ходом истории. Таковы роман-хроника «Месяц туманов» (1929)²⁶ о жизни Парижа эпохи Директории, заключительного периода Французской революции, до осуществленного Наполеоном Бонапартом переворота 18 брюмера, исторический роман «1830» (1930) о последних днях правления короля Карла X, изданный к 100-летию Июльской революции во Франции. Все они, как и повесть «Кружение сердца: Семейная драма Герцена» (1928), а также занимательная история для детей «Хождение на Восток венецейского гостя Марко Поло, прозванного Миллионщиком» (1929), вышли не в государственном, а в кооперативном «Издательстве писателей в Ленинграде». В 1929 г. писатель работал над повестью «Лев и Единорог» для этого же издательства²⁷, однако никаких следов ее, кроме упоминания данного факта в анкете, не обнаружено.

К 1930-м гг. Губер приобретает репутацию одного из лучших переводчиков. Замечательным вкладом в культуру является осуществленный им перевод с латинского языка литературного памятника Северного Возрождения «Похвальное слово Глупости» Эразма Роттердамского. Перевод был заказан издательством «Academia» и выходил дважды, в 1931 и 1932 гг. (в 1938-м переиздан Гослитиздатом вместе с «Домашними беседами» Эразма в переводе М. Покровского). В дальнейшую издательскую историю перевода Губера вмешивалась политическая конъюнктура. В настоящее время П. В. Дмитриевым подготовлена аутентичная текстологическая версия перевода Губера с восстановлением полного корпуса комментариев; издание сопровождается статьей, подробно освещающая непростую судьбу классического труда переводчика в советскую эпоху (см.: [Эразм Роттердамский])²⁸.

²⁶ Ср. более развернутое авторское определение жанра: «Историческая хроника из времен Всемир(ной) Революции» [Книга памяти].

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 34.

²⁸ Благодарю П. В. Дмитриева за предоставленную возможность ознакомиться с подготовленной им книгой до выхода ее из печати.

1935 год стал для писателя прологом будущих испытаний. В марте 1935 г. он был арестован и выслан в административном порядке вместе с женой²⁹ и старшей дочерью³⁰ в Астрахань на пять лет. «Отъезд из Ленинграда разорвал все мои связи с издательством, лишил возможности пользоваться книгохранилищами и архивами, наконец, заставил продать мою собственную библиотеку, которую подбирал в течение ряда лет и которая была для меня важнейшим рабочим орудием» [Книга памяти], — констатировал ссыльный писатель в письме к Е. П. Пешковой в надежде изменить свою участь. Он был возвращен в Ленинград, но ненадолго: подоспело новое следственное дело НКВД об организации «правотроцкистской террористической и диверсионно-вредительской» группы ленинградских писателей. Проходили по «писательскому делу» и были расстреляны Валентин Стенич, Бенедикт Лившиц, Вильгельм Зоргенфрей, Юрий Юркун... Губеру, арестованному в августе 1938 г., 10 ноября 1939 г. был вынесен приговор по ст. 58—10, 58—11: 5 лет ИТЛ. Писатель был этапирован в КулойЛаг (Архангельская обл.), где скончался 13 апреля 1941 г. [Распятые, с. 178—180]. Реабилитирован в 1961 г. за отсутствием состава преступления.

Иванов-Разумник, обращаясь 29 ноября 1930 г. к Л. Д. Блок, вдове поэта, и намекая на актуальный фон — проходивший в Москве показательный процесс «Промпартии» («Союз инженерных организаций»), делился своими размышлениями о днях текущих: «Сегодня же, в день рождения Александра Александровича — захотелось написать Вам. За последний месяц я раза два прочел от доски до доски всего „Блока“, и вот что хочу сказать: „благо Белинскому, умершему вовремя“, — говорил в свое время Грановский. Рука, „поразившая Денницу“, оказалась жестока к нам, но милостива к Блоку, уведя его от нас»³¹. Эту же цитату он повторит и в следующем письме, 30 сентября 1933 г., отправленном уже из новосибирской ссылки...

---

²⁹ Губер Ада Аркадьевна (1891–1941), в 1923–1924 гг. сотрудник ЛЕНОГИЗ (см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-35. Оп. 2. Д. 186), позже — Музея истории и развития г. Ленинграда (инвентаризатор). До революции — актриса камерного жанра, выступала под сценическим псевдонимом Бартенева, адресат двух инскриптов Н. Гумилева 1912 г. (сообщение М. В. Сеславинского: <http://seslavinsky.ru/articles/avtografy-n-s-gumileva/> (дата обращения 3.11.2024)). В сентябре 1941 г. арестована, погибла при этапировании в г. Новосибирск 14 ноября 1941 г. Реабилитирована в 1958 г. за отсутствием состава преступления (URL: arch2.iofe.center/person/45235 (дата обращения 3.11.2024)).

³⁰ Губер Наталья Петровна (1907–?), по-видимому, дочь от первого брака с Бельцовой Ксенией Владимировной, заключенного в 1906 г. [Справочник метрических записей]. У Губера было еще трое детей: Елена (Бюкинг, 1911–?), Константин (1914 — декабрь 1941, пропал без вести на Ленинградском фронте), Александр (1919–?).

³¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 157. Цитату из письма Т. Н. Грановского 1850 г. А. И. Герцен приводит в «Былом и думах» (Глава XXIX. Наши).

* * *

Рецензия А. Н. Шебунина печатается по автографу (РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 158), рецензия П. К. Губера — по списку рукой Л. Н. Лунца, секретаря журнала «Литературные записки» (РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 246); авторские подчеркивания переданы курсивом, исправления отдельных пунктуационных погрешностей и описок специально не оговариваются.

⟨1⟩

Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Алконост. Петербург. 1921.

Эта работа покойного поэта является [в сущности] только удачным использованием документов Чрезвычайной комиссии по расследованию противоправных действий сановников старого режима, образованной Временным Правительством. В сокращенном виде, т. е. почти целиком, за исключением печатаемых в конце книги 6-ти приложений и 1-го документа в конце текста (телеграмма Николаю II от командира одного из конных корпусов от 6 марта), работа была напечатана в № 15 журнала «Былое». Нечего и говорить, насколько важным является отдельное издание работы Блока.

Книга распадается на четыре части (1. Состояние власти. 2. Настроение общества и события накануне переворота. 3. Переворот. 4. Приложения). К недостаткам книги следует отнести отсутствие указаний на источник, откуда приводится то или иное новое сообщение. Читателю предоставляется догадываться, что, напр⟨имер⟩, последний разговор Родзянко с царем приводится на основании собственного показания Родзянко, сделанного названной выше Комиссии. Позволительно усомниться в точности этого показания вообще и в частности в том, чтобы Родзянко в этот момент предвидел так точно близость революции и ее исход («не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать»), хотя несомненно тревогой полон и печатаемый в конце книги последний всеподданнейший доклад Родзянко, заключающийся указанием, что дальнейшее противодействие Государственной Думе со стороны правительства чрезвычайно опасно само по себе. Если же Дума уступит власти и откажется от борьбы, страна «сама могла бы стать на защиту своих законных прав», что, по мнению М. В. Родзянко, «надо всячески предотвратить». Таким образом, самое содержание исторической беседы вряд ли может быть подвергнуто

сомнению и можно — повторяем — усумниться (так!) только в точности ее передачи.

Наиболее ценную часть книги составляют сведения о настроении главных действовавших накануне переворота сил, а именно — власть имущих с одной стороны и умеренной оппозиционной общественности с другой. Растерянность и смутная тревога, отсутствие определенного плана действий — вот что, по-видимому, характеризует оба лагеря.

Наибольшей определенностью, по-видимому, отличалось настроение власть имущих в самом узком смысле этого слова — царя, Протопопова и других наиболее влиятельных лиц. При этом оба главные действующие лица — царь и Протопопов — поражают своей безнадежностью. Нельзя сказать, чтобы характеристика царя в книге была определена, но следует признать, что она труднее всего. Личность Николая II загадочна и, по нашему мнению, обычное ее определение словом «безвольный» ее не определяет. К этому слову и А. А. Блок прибавил — «упрямый». И это упрямство наиболее ясно по настоящей книге. Николай II именно упрямо держался за свою власть, вопреки мнению даже близких родственников. Граф С. Ю. Витте указывает в своих мемуарах, что главным качеством царя была воспитанность. Из тех же мемуаров, как и других источников, видно, что эта воспитанность большей частью выражалась в замечательном умении скрывать свои истинные мысли и чувства. Это качество у Николая было подмечено и вел. кн. Николаем Михайловичем, которому царь напоминал этой чертой своего характера Александра I. В мартовские дни проявление этой черты вызвало у генерала Дубенского впечатление полной одеревенелости. На А. И. Гучкова, ездившего к царю за отречением, он произвел впечатление человека «с пониженной сознательностью и чувствительностью».

Однако, что это не так, что здесь была личина, доказывается тем, что голос у царя, по словам Гучкова, дрогнул, когда он говорил о сыне. И Дубенский подтверждает, что в разговоре о сыне же с Фредериксом царь не выдержал и заплакал. Точно так же прорвались внутренние чувства Николая и в уже упоминавшейся беседе с Родзянко, когда он не смог скрыть своего раздражения.

Протопопов, человек, на котором накануне революции сосредоточивалась вся ненависть населения, по материалам, публикуемым в книге, представляется человеком совершенно ничтожным и жалким. Особенно дикое впечатление производит его поведение на совещании его (с) членами прогрессивного блока 19 окт(ября) 1916 г. (прилож(ение) V), где он в ответ на замечание графа Капниста сказал: «Да, вам хорошо сидеть там, на вашем кресле, а каково мне

на моем. У вас есть графский титул и хорошее состояние, есть связи, а я начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки по 50 коп. за урок».

Нельзя, однако, сказать, чтобы в узком кружке людей, поддерживавших реакционную политику, все не понимали положения. Публикуемые А. А. Блоком документы говорят иное: здесь многие знали Россию и глубоко до цинизма ее презирали и ненавидели. В то время как великие князья, многие члены Государственного Совета один за другим возвышали голос за «министерство доверия» как средство, могущее дать успокоение и привести к победе на фронте, в крайних правых кругах понимали, что дело не в этом. В книге опубликована записка кружка Римского-Корсакова о необходимости роспуска Думы и других мер (прил(ожение) II) и объяснительная к ней записка чл(ена) Гос(ударственного) Сов(ета) Говорухи-Отрока. Эта последняя опровергает распространенное мнение, что стоит царю дать подлинную конституцию, и наступит успокоение. Автор записки допускает, что кадеты и октябристы этим бы удовлетворились. Но, по его мнению, «эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно». По мнению автора, эти партии оказались бы скоро поглощенными левыми элементами. «А затем... затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов, наконец, мужик-разбойник». Автор хорошо знает Россию, но он ей противопоставляет ненависть, презрение и убеждение, что пулеметами с ней легко справиться.

Этого последнего не было у поколебавшихся. Здесь, наоборот, верили, что уступка требованиям Думы все спасет. Великий князь Александр Михайлович, на которого мемуары Витте указывают как на одного из виновников русско-японской войны, в письме к царю (прил(ожение) I), уверяет, что народ хочет «очень немногого», а именно — власть «разумную, идущую навстречу нуждам народным, и возможность жить свободно и давать жить свободно другим». А такая власть, по его словам, должна состоять из лиц «чистых, либеральных и преданных монархическому принципу, отнюдь не правых...» При этом великий князь против ответственного министерства, но за «министерство доверия». И он уверен, что царь «несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить».

Несомненная тревога царит в умеренных оппозиционных кругах. М. В. Родзянко в уже цитированном докладе боится вмешательства страны, но сознание, что ждать от власти уже нечего, здесь было. Гучков мечтал о перевороте, по образцу заговора декабристов, с сознательным участием офицеров и пассивным солдат; существовал план захвата [правительства и] царского

поезда и ареста правительства. Из приводимых документов и материалов не видно, был ли широко распространен этот план и насколько он был разработан. В документах почти отсутствует третий элемент — народная масса. Она проявляется только уже в самые дни движения в Петербурге, и ею, по-видимому, первое время не владел решительно никто. [Шла] Надвигалась какая-то стихия, которой никто еще не схватывал и не чувствовал.

А. Шебунин

(2)

«Последние дни императорской власти» по неизданным документам составил Александр Блок. Изд. «Алконост». Петербург, 1921 г., стр. 168.

Эта книжка, напечатанная первоначально в виде статьи в журнале «Былое», принадлежит к числу последних произведений покойного поэта и занимает в ряду их совсем особое место. Нарочито сухой, сжатый, отрывочный рассказ, целиком построенный на фактах и на цитатах, обнимает события от последних чисел декабря 1916 года до 2 марта 1917 года, когда состоялось отречение Николая II. Всё, имевшее место в Государственной Думе, равно как и первые шаги по организации новой власти, оставлено в стороне. Читатель знакомится лишь с последними, слабыми судорогами старого режима. Кое-что, напр(имер) внешняя картина отречения, сделалось известно тогда же благодаря газетам. Некоторые другие подробности, преимущественно касающиеся попыток организовать сопротивление победоносной революции, впервые с полной достоверностью устанавливаются Блоком. В общем, его очерк не даст ничего существенно нового, хотя и читается с интересом. Именно такого очерка, бедного громкими фразами и пространными рассуждениями, но обильного вполне проверенными фактами, не хватало до сих пор нашей шумливой и назойливо-тенденциозной революционной историографии последних лет.

Блок заботливо воздерживался от проведения какой бы то ни было тенденции в своем труде. И тем не менее два неустрашимых вывода с принудительной силой возникают у читателя, просматривающего эту книжку. Первый вывод касается невероятного и почти физиологического поглупения правящих верхов накануне революции. Достаточно заглянуть в поданную царю записку крайних правых, отредактированную Н. А. Маклаковым, или в протокол совещания думских лидеров с А. Д. Протопоповым (оба эти документа напечатаны в книжке), чтобы убедиться, как далеко и ясная, сознательная мысль, и темный, здоровый инстинкт отлетели от людей, державших в то время в своих

руках судьбы России: ни одного слова, отмеченного умом и талантом, у них на устах; ни единого свободного от нелепостей плана у них в голове.

И вместе с тем никак нельзя отделаться от впечатления, что крушение монархии, предвиденное и предсказанное столь многими, все же случилось неожиданно и было результатом случайности или, вернее, весьма редкого и даже неправдоподобного сочетания многих случайностей. Отсутствие в столице хотя бы одного толкового и дельного военачальника, способного не растеряться в критическую минуту и взять инициативу в свои руки; совершенно необъяснимый отъезд царя в ставку как раз в то время, когда неизбежность революционных выступлений была ясна для всех; наконец, неимение в Петербурге действительно надежных боевых частей и пользование для целей усмирения исключительно силами распропагандированных запасных полков — вот факты, которые не вытекают даже из той картины правительственного маразма и разложения, которая еще так свежа в нашей памяти. Ведь не нужно себя обманывать: наступательная способность т(ак) наз(ываемых) народных, революционных войск была равна нулю в те дни, а идейные вожди движения находились в состоянии истерического транса и не могли фактически руководить восставшими. Если б 28 февраля хоть один полк «сохранил верность присяге», то поражение «постепенников» было бы неминуемо. И такие надежные полки были... но на фронте. Телеграмма одного из конных корпусов на имя Николая, напечатанная в книжке Блока, служит тому достаточно убедительным доказательством.

Все мало-мальски способные генералы также находились на фронте, а в столице распоряжались «герои тыла», подобные Хабалову, павшему духом при первых признаках опасности. Откомандирование ген(ерала) Н. И. Иванова в Петербург произошло поздно, когда весть о восстании уже успела облететь всю Россию. Пламя, которое нетрудно было потушить на первых порах, разрослось в неукротимый пожар.

Личное присутствие Николая в столице или в Царском Селе, весьма вероятно, не могло сохранить ему короны, но, нет никакого сомнения, придало бы событиям совсем иной оборот. Время, потерянное на поездку думских деятелей в Псков и обратно, долгие переговоры и колебания — всё это вызвало потерю времени, совершенно не вознаградимую в подобные моменты. *Переворот* не удался. Вместо него пришла Революция со всеми своими последствиями.

Вдумываясь вновь и вновь в сплетение событий, обусловивших падение монархии, мы как бы замечаем некую невидимую могущественную руку, которая, с заранее обдуманном намерением, подтасовала согласно своему плану карты исторической колоды. Но никакое позитивное историческое исследование не может обнаружить этой руки. Человеческая воля была ничто

в этой игре случайностей. И, пожалуй, прав был С. Н. Булгаков, когда писал о «мистическом заговоре», о взаимодействии неведомых сверхчеловеческих сил, столкнувшихся в тайниках русской революции.*

П. Г(убер)

Литература

- Академическое дело — Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Ред. кол.: В. П. Леонов (отв. ред.), Ж. И. Алферов, Б. В. Ананьич и др. СПб.: БАН, 1993–1998.
- Аннотированный указатель — Журналы «Вестник литературы» (1919–1922), «Летопись Дома литераторов» (1921–1922), «Литературные записки» (1922): Аннотир. указатель / Отв. ред. и автор предисл. А. Ю. Галушкин. М.: Наследие, 1996. 303 с.
- Арзубьев 1915 — Арзубьев П. Ф. [Губер П. К.] Дела и люди военного времени: (ноябрь 1914 — май 1915). [Пг.]: Изд-во «Библиотека Великой Войны», 1915. 178 с.
- Арзубьев 1917 — Арзубьев П. Ф. [Губер П. К.] С А. Ф. Керенским по Северному фронту [На обл.: А. Ф. Керенский на фронте]. Пг.: Тип. Акц. о-ва изд. дела «Копейка», [1917]. 16 с. (Б-ка «Солнце свободы»; № 4).
- Арзубьев 1918а — Арзубьев П. [Губер П. К.] Пифийская расщелина // Наш век. 1918. № 20, 27 янв. С. 2.
- Арзубьев 1918б — Арзубьев П. [Губер П. К.] Старый мир // Наш век. 1918. № 43, 8 марта (23 февр.). С. 1–2.
- Биобиблиографический указатель — Русские советские писатели, поэты: Биобиблиогр. указатель. М.: Книга, 1980. Т. 3, ч. 2: А. А. Блок. 342 с.
- Биографический словарь историков — Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. / [Сост.: кол. авторов]. СПб., 2012. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/110-shebunin> (дата обращения: 12.10.2024).
- Блок 1919 — Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. 1919 [1920]. № 15. С. 3–50.
- Блок 1965 — Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 664 с.
- Брачев — Брачев В. С. Дело профессора С. В. Вознесенского // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 144–155.
- Булгаков — Булгаков С. Н. На пиру богов: Pro и contra: Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 290–353.
- Военная энциклопедия — Военная энциклопедия: [В 18 т.] / Под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. 8. 645 с.
- Губер 1921а — Губер П. Что нового в литературе? О «Записках мечтателей» // Вестник литературы. 1921. № 8. С. 12–13.
- Губер 1921б — Губер П. Поэт и Революция // Летопись Дома литераторов. 1921. № 1, 1 ноября. С. 1–2.
- Губер 1922 — Губер П. Гражданские мотивы в поэзии Блока: (К предстоящей годовщине со дня смерти) // Литературные записки. 1922. № 3. С. 1–4.
- Декабрист Н. И. Тургенев — Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, 1811–1821 / [Отв. ред. Н. Г. Свириг; авт. предисл. и примеч. А. Н. Шебунин]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 587 с. (Лит. архив).

---

* См. С. Н. Булгаков. На пиру богов. Киев, 1918 г.

- Дмитриев — *Дмитриев А. Н.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов и история Академии: случай А. Н. Шebuнина // Новое литературное обозрение. 2002. № 2 (54). С. 29–60.
- Дневники и письма Н. И. Тургенева — Дневники и письма Н. И. Тургенева. СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 4: Путешествие в Западную Европу, 1824–1825 / Отв. ред. М. Ю. Коренева; подгот. текста Е. О. Ларионовой; коммент. Р. Ю. Данилевского, Н. Л. Дмитриевой, П. Р. Заборова, М. Ю. Кореневой, Е. О. Ларионовой. 1032 с., ил. (Архив братьев Тургеневых; Вып. 7).
- Жозеф де Местр в России — Жозеф де Местр в России / Публ. и коммент. М. Степанова [А. Н. Шebuнина] и F. Vermale // Литературное наследство. М.: Журнално-газетное объединение, 1937. Т. 29/30. С. 577–726.
- Жуковская 2003 — *Жуковская Т. Н.* Либеральные идеи и общественные объединения Александровской эпохи в исследованиях А. Н. Шebuнина // Русская наука в биографических очерках / Сост. Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 235–249.
- Жуковская 2021 — *Жуковская Т. Н.* Наука и политика в судьбе историка Андрея Николаевича Шebuнина (1887–1942) // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2021. № 33. С. 231–243.
- Иванова 2012 — *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 608 с.
- Иванова 2017 — *Иванова Е. В.* Чрезвычайная следственная комиссия в самоопределении А. Блока от Февраля к Октябрю 1917 года // Новые российские гуманитарные исследования. 2017. Т. 12. URL: <http://nrgumis.ru/articles/2008/>
- К истории высылки интеллигенции — «Очистим Россию надолго»: К истории высылки интеллигенции в 1922 г. / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Н. Артизова // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65–96.
- Карлейль — *Карлейль Т.* Французская революция: История / Пер. с англ. СПб.: Изд. В. И. Яковенко, 1907. 615 с.
- Керенский — А. Ф. Керенский: Pro et contra: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Николаева. СПб.: РХГА, 2016. 768 с.
- Книга памяти — Книга памяти / ГАРФ. URL: https://pkk.memo.ru/letters_pdf/000592.pdf (дата обращения: 2.11.2024).
- Конец институций культуры — Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам: Сб. ст. / Сост. М. Э. Маликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 492 с.
- Кукушкина 2003 — *Кукушкина Т. А.* «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...»: Дом литераторов (1918–1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 77–95.
- Кукушкина 2006 — *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 81–144.
- Материалы — Материалы о приобретении Государственной публичной библиотекой бесхозных библиотек и архивов, 1942–1943 гг. / Вступ. ст., публ., коммент., биогр. справки о владельцах библиотек и архивов Т. Н. Суздальцевой // Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб.: РНБ, 2005. С. 286–438.

- Неизвестные документы — В. И. Ленин: Неизвестные документы, 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. 670 с.
- Письма к родным — Письма Александра Блока к родным: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1932. Т. 2. 548 с.
- Последние дни 1921 — Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.
- Последние дни 2012 — Блок А. А. Последние дни Императорской власти / сост. С. С. Лесневский и З. И. Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 560 с.
- Распятие — Распятие: писатели — жертвы политических репрессий / Авт.-сост. З. Л. Дичаров. СПб.: Северо-Запад, 1993. Вып. 1. 239 с.
- Репрессированные политехники — Репрессированные политехники. СПб.: Береста, 2008. Кн.1 / [Сост. В. А. Смелов, Н. Н. Сторонкин, предисл. Л. П. Романков]. 439 с.
- Сироткин — *Сироткин В. Г.* А. Н. Шебунин — историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. // История и историки: Историко-графический ежегодник за 1973 г. М.: Наука, 1975. С. 119–129.
- Справочник метрических записей — Справочник метрических записей архивов Санкт-Петербурга: Новая редакция. URL: <https://forum.vgd.ru> (дата обращения: 2.11.2024).
- Тименчик — *Тименчик Р. Д.* Тынянов и «литературная культура» 1910-х годов // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 159–173.
- Штакельберг — *Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Публ. Б. В. Ананьича // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / Сост. М. Ю. Сорокина, А. И. Добкин. М.; СПб.: Феникс-Атенеум, 1995. С. 19–86.
- Эразм Роттердамский — Эразм Роттердамский. Похвальное слово Глупости / Пер. П. К. Губера; под ред. П. В. Дмитриева. СПб.: Реноме, 2025 (в печати).

References

- Artizov, A. N. (2003). '«Ochistim Rossiyu nadolgo»: K istorii vysylki intelligentsii v 1922 godu', *Otechestvennye arkhivy*, 1, 65–96.
- Arzub'ev, P. F. [Guber, P. K.] (1915). *Dela i lyudi voennogo vremeni: (noyabr' 1914 — mai 1915)*. [Petrograd]: Izdatel'stvo «Biblioteka Velikoi Voiny», 178 p.
- Arzub'ev, P. F. [Guber P. K.] (1917). *S A. F. Kerenskim po severnomu frontu* [Na oblozhke: A. F. Kerenskii na fronte]. Petrograd: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva izdatel'skogo dela «Kopeika», 16 p. (Biblioteka «Solntse svobody», 4).
- Arzub'ev, P. [Guber P. K.] (1918). 'Pifiiskaya rasshchelina', *Nash vek*, 20, Jan. 27, 2.
- Arzub'ev, P. [Guber P. K.] (1918). 'Staryi mir', *Nash vek*, 43, March 8 (Feb. 23), 1–2.
- Blok, A. A. (1919 [1920]). 'Poslednie dni starogo rezhima', *Byloe*, 15, 3–50.
- Blok, A. A. (1921). *Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam*. Petersburg: Alkonost, 168 p.
- Blok, A. A. (1965). *Zapisnye knizhki. 1901–1920*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 664 p.
- Blok, A. A. (2012). *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti*, S. S. Lesnevskii, Z. I. Peregudova, eds. Moscow: Progress-Pleyada, 560 p.
- Brachev, V. S. (2019). 'Delo professora S. V. Voznesenskogo', *Noveishaya istoriya Rossii*, 9 (1), 144–155.

- Bulgakov, S. N. (1991). 'Na piru bogov: Pro i contra. Sovremennye dialogi', in: *Vekhi. Iz glubiny*. Moscow: Pravda, 290–353.
- Carlyle, T. (1907). *Frantsuzskaya revolyutsiya: Istoriya*, transl. from engl. Saint Petersburg: Izdanie V. I. Yakovenko, 615 p.
- Danilevskii, R. Yu., Koreneva, M. Yu., Larionova, E. O., Dmitrieva, N. L., Zaborov, P. R., eds. (2017). *Dnevniki i pis'ma N. I. Turgeneva*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. Vol. 4. Puteshestvie v Zapadnuyu Evropu. 1824–1825, 1032 p. (Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vol. 7).
- Dicharov, Z. L., ed. (1993). *Raspyatyie: pisateli — zhertvy politicheskikh repressii*. Saint Petersburg: Severo-Zapad. Vol. 1, 239 p.
- Dmitriev, A. N. (2002). '«Akademicheskii marksizm» 1920–1930-kh godov i istoriya Akademii: sluchai A. N. Shebunina', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2 (54), 29–60.
- Erazm Rotterdamskii (2025). *Pokhval'noe slovo Gluposti*, transl. P. K. Guber, ed. P. V. Dmitriev. Saint Petersburg: Renome (v pechati).
- Galushkin, A. Yu., ed. (1996). *Zhurnaly «Vestnik literatury» (1919–1922), «Letopis' Doma literatorov» (1921–1922), «Literaturnye zapiski» (1922). Annotirovannyi ukazatel*. Moscow: Nasledie, 303 p.
- Guber, P. (1921). 'Chto novogo v literature? O «Zapiskakh mechtatelei»', *Vestnik literatury*, 8, 12–13.
- Guber, P. (1921). 'Poet i Revolyutsiya', *Letopis' Doma literatorov*, 1, Nov. 1, 1–2.
- Guber, P. (1922). 'Grazhdanskie motivy v poezii Bloka: (K predstoyashchei godovshchine so dnya smerti)', *Literaturnye zapiski*, 3, 1–4.
- Ivanova, E. V. (2012). *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni*. Saint Petersburg: Rostok, 608 p.
- Ivanova, E. V. (2017). 'Chrezvychainaya sledstvennaya komissiya v samoopredelenii A. Bloka ot Fevralya k Oktyabryu 1917 goda', *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya*, 12, <http://nrgumis.ru/articles/2008/>.
- Kniga pamyati* (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii), accessed Nov. 2, 2024, https://pkk.memo.ru/letters_pdf/000592.pdf.
- Kukushkina, T. A. (2003). '«Vseob'emlyushchii i shiroko gostepriimnyi...» Dom literatorov (1918–1922)', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998–1999 gody*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 77–95.
- Kukushkina, T. A. (2006). 'Vserossiiskii soyuz pisatelei. Leningradskoe otdelenie (1920–1932). Ocherk deyatel'nosti', in.: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 81–144.
- V. I. Lenin. *Neizvestnye dokumenty, 1891–1922* (1999). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 670 p.
- Leonov, V. P., Alferov, Zh. I., Anan'ich, B. V. et al., eds. (1993–1998). *Akademicheskoe delo 1929–1931 godov, dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU*. Saint Petersburg: Biblioteka Akademii nauk.
- Malikova, M. E., ed. (2014). *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade. Po arkhivnym materialam* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 492 p.
- Nikolaev, A. B., ed. (2016). *A. F. Kerenskii: Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 768 p.
- Novitskii, V. F. et al., eds. (1912). *Voennaya entsiklopediya*. [18 vols.] Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina. Vol. 8, 645 p.
- Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym*. 2 vols. (1932). Moscow, Leningrad: Academia. Vol. 2, 548 p.

- Russkie sovetskie pisateli, poety. Biobibliograficheskii ukazatel'*. Moscow: Kniga. T. 3, chast' 2. A. A. Blok, 342 p.
- Setevoi biograficheskii slovar' istorikov Sankt-Peterburgskogo universiteta XVIII–XX vekov.* (2012). Saint Petersburg, accessed Oct. 12, 2024, <http://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/110-shebunin>.
- Shtakel'berg, N. S. (1995). '«Kruzhok molodykh istorikov» i «Akademicheskoe delo»', ed. B. V. Anani'ich, in: M. Yu. Sorokina, A. I. Dobkin, eds., *In memoriam: Istoricheskii sbornik pamyati F. F. Perchenka*. Moscow, Saint Petersburg: Feniks-Ateneum, 19–86.
- Sirotkin, V. G. (1975). 'A. N. Shebunin — istorik obshchestvennoi mysli i vneshnei politiki Rossii pervoi chetverti XIX veka', in: *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskii ezhegodnik za 1973 god*. Moscow: Nauka, 119–129.
- Smelov, V. A., Storonkin, N. N., Romankov, L. P., eds. (2008). *Repressirovannye politekhniki*. Saint Petersburg: Beresta. Vol.1, 439 p.
- Spravochnik metricheskikh zapisei arkhivov Sankt-Peterburga. Novaya redaktsiya*, accessed Nov. 2, 2024, <https://forum.vgd.ru>.
- Stepanov, M. [Shebunin, A.], Vermale, F., eds. (1937). 'Zhofez de Mestr v Rossii', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie. Vol. 29/30, 577–726 p.
- Suzdal'tseva, T. N., ed. (2005). 'Materialy o priobretnenii Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki i beskhoznykh bibliotek i arkhivov, 1942–1943 gody', in: *Publichnaya biblioteka v gody voiny, 1941–1945: dnevniki, vospominaniya, pis'ma, dokumenty*. Saint Petersburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 286–438.
- [Svirin, N. G., Shebunin, A. N., eds.] (1936). *Dekabrist N. I. Turgenev. Pis'ma k bratu S. I. Turgenevu. 1811–1821*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 587 p. (Literaturnyi arkhiv).
- Timenchik, R. D. (1988). 'Tynyanov i «literaturnaya kul'tura» 1910-kh godov', in: *Tynyanovskii sbornik. Tret'i Tynyanovskie chteniya*. Riga: Zinatne, 159–173.
- Zhukovskaya, T. N. (2003). 'Liberal'nye idei i obshchestvennye ob"edineniya Aleksandrovskei epokhi v issledovaniyakh A. N. Shebunina', in: T. V. Andreeva, M. F. Khartanovich, eds., *Russkaya nauka v biograficheskikh ocherkakh*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 235–249.
- Zhukovskaya, T. N. (2021). 'Nauka i politika v sud'be istorika Andrey Nikolaeovicha Shebunina (1887–1942)', *Veche. Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury*, 33, 231–243.